

Об архитекторе Георгии Гольце, поэте Павле Антокольском и даче в поселке «Наука, искусство и литература»

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1409>

17 ноября 2011

Собеседник

Гольц Ника Георгиевна

Ведущие

Споров Дмитрий Борисович, Лебедева Ирина Сергеевна, Бондаренко Татьяна Ивановна

Дата записи

Беседа записана 17 ноября 2011 и опубликована 19 ноября 2012.

Введение

В этой беседе, состоявшейся незадолго до ее смерти, Ника Георгиевна вспоминает о своем отце — «неугодном» архитекторе, чьи проекты получали премии, но реализовывать их ему не давали. О том, как он был летчиком во время Первой мировой войны, учился во ВХУТЕМАСе и о его трагической смерти вскоре после окончания Великой отечественной войны. Говорит она и о своих предках — дедушках и бабушках. Вспоминает о матери, танцовщице и поэтессе, которая была вынуждена сменить творческую жизнь на семейную. Об обстановке в их доме в Мансуровском переулке, в котором она родилась и который не сохранился. О жизни в дачном кооперативе «Наука и литература» и быте 1920-х годов и известных поэтах, писателях и их родственниках, с которыми Нине Георгиевне доводилось встречаться.

Ника Георгиевна Гольц: Ну что, о папе рассказать?

Ирина Сергеевна Лебедева: Да.

Н.Г.: Ну, мне трудно. Это очень большая тема. Она требует нескольких часов, наверное... Он был гениальный, конечно, архитектор. Конечно, я пристрастна, но я думаю, что это так и есть. И с очень грустной судьбой, потому что он проектировал, его проекты брали первые премии, а строили другие. Он не строил. Понимаете, он хотел, хотел выстроить, а строили другие!

Дмитрий Борисович Споров: А как вы это объясняете?

Н.Г.: Я объясняю это, что он был такой, понимаете, неугодный: он не подлизывался, он не был таким просоветским, он был нейтральным. И он не умел, вот этого таланта у него не было — протолкнуть свои работы.

Д.С.: А что за семья была? Семья отца.

Н.Г.: Его отец был инженер на фабрике в Болшеве. Его дед... маленьким его привезли из Германии. А мать была, в общем, я дворянка... Потому что со стороны папы у меня в основном немецкая, французская и английская кровь, а со стороны мамы — русская и греческая.

И.Л.: Сколько всего!

Г.П. Гольц

Н.Г.: Да, я говорю — дворянка...

И.Л.: Ну еще про детство, про папу.

Н.Г.: Ну, папа, конечно, был замечательный отец. Он рисовал для меня и я рисовала вместе с ним. Я вообще с детства, конечно, начала рисовать и не могло быть иначе, потому что папа работал много дома (он любил работать дома) и один, и с товарищами из своей бригады — с Парусниковым и Соболевым, и с Андреем Буровым. И они все... столы и рояль — на всем лежали проекты, рисунки. И я рисовала рядом с ним.

И.Л.: А мама?

Н.Г.: Мама она тоже была очень способный человек. Но такая типично женская судьба. Она начала танцевать. Причем она не была классическая балерина. Она кончила студию Чернецкой. Она была босоножка, как Айседора Дункан. Она танцевала и даже давала уроки. И, кроме того, она была литературно одарена, она писала очень хорошие стихи. Ну, конечно, они нигде не публиковались. И потому она... ну, вы понимаете, семья... Я была дохленькая. У папы была очень напряженная работа и он работал не один, а с товарищами, всех надо было кормить-поить. Ну и конечно, все это ее заело

со стороны творчества.

Д.С.: А как звали маму?

Н.Г.: Галина Николаевна Щеглова. Ее отец был присяжный поверенный из Нижнего Новгорода.

Д.С.: А вот вы упомянули, что она была босоножка. Это какая была студия или группа? Просто тогда их много было...

Н.Г.: Студия Чернецкой.

Они с папой познакомились, они устроили тогда — папа, мама, их товарищи — устроили такой театр «Бизонатор» — там папа был бизон, мама была белая собачка, там у всех были прозвища. Там было очень много талантливой молодежи, они ставили спектакли, которые сами писали.

И вот в этом «Бизонаторе» они познакомились, влюбились и потом женились.

Д.С.: А где он был?

Н.Г.: В Москве, в Мансуровском переулке, где мы жили.

Д.С.: Вы и родились в Мансуровском переулке?

Н.Г.: Я родилась в Мансуровском переулке.

Д.С.: Сейчас этого дома нет?

Н.Г.: Нет, дома нет, к сожалению...

Д.С.: А где он был? По какой стороне?

Н.Г.: Ну, если идти от Пречистенки, то справа. Двор существует. Дом 7, квартира 1. Я помню. И во дворе была яблоня, которую папа посадил семечком. Этот дом принадлежал бабушке. Бабушка, после смерти моего дедушки... Между прочим, вот там портрет — это моя прабабушка.

Д.С.: А это не соседний дом с кузнецовским? Там архитектор Кузнецов жил.

Н.Г.: Да, рядом. Или через дом.

Д.С.: Ну, следующий вот считается как бы «дом Мастера», куда Булгаков приходил...

Н.Г.: Да, вот этот наш дом.

Д.С.: Этот ваш?

Н.Г.: Да. Я-то считаю, что это наш дом.

Д.С.: Ну, то есть маленький деревянный!

Н.Г.: Да, маленький деревянный дом. И там был подвальчик. Так что был деревянный дом, одноэтажный, но с мансардой.

Д.С.: Ну, так он стоит сейчас, если это тот дом.

Н.Г.: Нет-нет. Этого нету. Это я ходила несколько лет назад — и его сломали. А яблоня существует. Вот я там маленькая росла и дружила с мальчишками.

Д.С.: До которого года вы жили в Мансуровском переулке?

Н.Г.: До 38-го. В 38-м арестовали мою тетю, и мы переехали сюда. Папа играл и в театре. Был знаком с Маяковским. И играл, по-моему, англичанина.

Д.С.: В каком театре?

Н.Г.: У Маяковского.

Н.Г. Гольц. Иллюстрация к сказке «Гадкий Утенок»

Д.С.: Что значит — у Маяковского?

Н.Г.: Ну, в спектакле у Маяковского... В каком театре я не знаю.

Д.С.: Наверное, у Мейерхольда? Может такое быть?

Н.Г.: Не знаю. По-моему, нет. Он бы вообще мог бы быть актером хорошим, а мама, наверное, могла бы быть актрисой.

Д.С.: Вы сказали, что он не смог до конца реализоваться, что не получалось у него быть в струе, и сказали, что в советской струе, но ведь он начинал творческую деятельность еще до революции, так?

Н.Г.: Нет, ну до революции он был еще очень молодой и потом он был в армии во время Первой войны. Он был летчиком.

Д.С.: Расскажите его биографию с самого начала. Это было бы очень здорово.

Н.Г.: Ну, подробно мне трудно сейчас рассказывать. До войны он учился во ВХУТЕМАСе, а потом вот — армия, летчиком.

Д.С.: А в каком классе? У кого учился?

Н.Г.: У Ладовского. И он рассказывал, что они чуть ли не руками кидали бомбы.

Д.С.: На фронте?

Н.Г.: Да. В Первую мировую войну он был на фронте.

И.Л.: А родители папы, там бабушка, дедушка?

Н.Г.: Нет. Они умерли. Дедушка умер, когда папе было четыре года. А бабушка тоже умерла до моего рождения. Она была на свадьбе моих родителей. Вообще, родители мои, чтобы получить разрешение... Он же был лютеранином, а мама — православной. Брали какое-то разрешение. И венчались в православной церкви, в Зачатьевском монастыре. Есть фотографии, когда мама в фате, в белом. Они пешком туда бегали, там венчались. Вот, к сожалению, я — единственный ребенок.

И.Л.: А бабушка и дедушка со стороны мамы?

Н.Г.: Дедушка тоже... Он умер еще в 17-м году, а бабушку я знала, она жила с нами на даче — Антонина Михайловна.

И.Л.: У вас были хорошие отношения?

Н.Г.: Хорошие, очень. Да.

Д.С.: А что за семья была у дедушки с бабушкой?

Н.Г.: Тоже целая история. Ее отец был поверенный — Николай Петрович, а бабушка — она была такая мятущаяся натура. Она кончила Институт благородных девиц и потом хотела учиться, и для этого хотела ехать за границу. Но ей сказали, что она должна выйти замуж, тогда может поехать за границу. Ну и она вышла замуж за Николая Петровича, в общем-то его не любя по-настоящему. Семья не состоялась, потому что они были очень разные: он был такой очень основательный, положительный, а она была такая сумасшедшая. То она бросалась в религию, то она бросалась в революцию. У нее прятали оружие. У нее был Ленин один раз. Да. А когда у нее были такие сходки, дедушка выходил и говорил: «Я прошу вас оставить помещение». И потом бабушка устраивала ему скандалы. Потом они разошлись. И вот они делили девочек, это было очень трудно, маму и ее сестру. То бабушка брала, то дедушка брал. Но потом бабушка еще подобрала брошенного ребенка, мальчика — Шурика. И воспитывала его.

И.Л.: Его вы, наверное, уже не застали?

Н.Г.: Нет, не застала. Он как-то исчез. Он как-то был... очевидно корни у него были не очень хорошие. Он пропал просто. А бабушка вот здесь у нас жила и в 76 лет она умерла уже после папы. Ну вот о папе — у него была судьба трагическая.

И.Л.: А от чего умер папа?

Н.Г.: Его убили. Его убили. Его подкараулили и сшибли машиной.

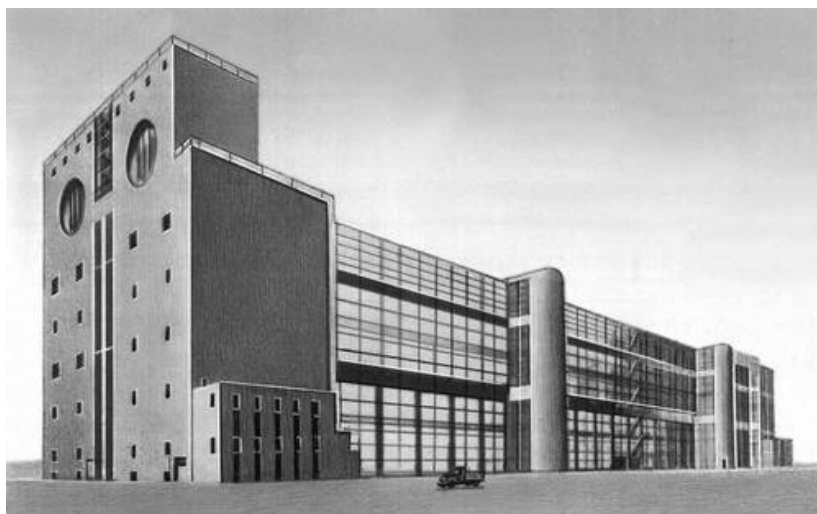
И.Л.: Это когда было? После войны уже?

Н.Г.: Да, это в 46-м году. Он был неугодный.

Д.С.: А вы лично как эту смерть объясняете?

Н.Г.: Тогда когда он погиб, мы с мамой этого не думали, а потом уже нам сказали, что есть такое подозрение. И теперь я думаю, что это действительно так. Он пользовался колоссальным авторитетом у молодежи. Его всячески затаскивали в партию. Он сопротивлялся и не хотел, но потом он решил — ладно, он пойдет в партию, но с тем, чтобы его строили. Он надеялся, что будут строить.

Д.С.: Его, по его проектам.

Г.П. Гольц. Прядильная фабрика в Ивантеевке, Московская обл. 1927-28 гг.

Н.Г.: Да. Но он сказал, что он ни на какие собрания не будет ходить и будет говорить все, что думает. Это было, конечно, неудобно. Его убрали.

И.Л.: Ну да, такой был прямой человек. Без всякого влияния.

Н.Г.: Его сшибла машина и он после четырех дней мучений умер в больнице.

Д.С.: Здесь машина сшибла?

Н.Г.: В Москве, да. На Садовом кольце. А все его наследие я передала в два музея: Музей архитектуры, а часть его графики я передала в Музей изобразительных искусств.

И.Л.: Пушкинский.

Н.Г.: Пушкинский, да. Он еще был замечательным художником театра. Он во многих театрах, в детском у Натальи Ильиничны Сац «Негритенок и обезьяна». А «Негритенок и обезьяна» — это была пантомима, по-моему, Коренева очень хорошо играла обезьяну, а потом Наталья Ильинична решила поставить балет. И меня пригласили его оформлять. Я сделала костюм, сцену. И вот я у Натальи Ильиничны сделала этот спектакль, но уже в балетном виде. Кроме того, я у нее расписала стену, в ее новом театре, одну большую стену — сто метров квадратных, причем я вставила два панно по эскизам папы. Ну я же вообще кончала монументальное отделение. Я училась как монументалист.

И.Л.: А где?

Н.Г.: В Суриковском.

И.Л.: А кто были ваши любимые педагоги?

Н.Г.: Чернышев Николай Михайлович, конечно. Замечательный. Алпатов.

Д.С.: Скажите, а были ли персональные выставки у отца вашего?

Н.Г.: У кого?

Д.С.: У Георгия Павловича были выставки персональные?

Н.Г.: Ну, конечно. И творческие отчеты были. Несколько. Вот сейчас я передала все творческие отчеты в музей.

И.Л.: Это в Архитектурный музей, да?

Н.Г.: Да.

Д.С.: А групповые выставки, которые устраивались особенно в 20-е годы?

Н.Г.: Ну, наверное-наверное. Он участвовал в них.

Вообще тогда ведь было вот так: когда делали проекты, это выставлялось на улице Горького в витрины и чтобы все могли видеть и обсуждать. Вот я и говорю, что папа брал первые премии, а строили другие.

Д.С.: А какие? Назовите, пожалуйста. Назовите для непосвященных проекты вашего отца, те которые не были реализованы?

Н.Г.: Да все не были реализованы. Он построил только шлюз на Яузе. И потом дом на Калужском шоссе. Шлюз очень красивый. Он и сейчас, наверное, стоит.

И.Л.: Он на Туполевской набережной?

Н.Г.: Вот я не помню на какой. По-моему на Яузе только один шлюз. И там были замечательные росписи и скульптуры Рабиновича, а росписи — Миши Оленина, архитектора и очень тонкого художника.

Д.С.: Но в основном это были проекты жилых домов?

Н.Г.: В основном — нет. Это общественные здания. Он мечтал построить башню. И к моменту его смерти уже был принят к строительству Смоленск. Горсовет и Облсовет. Уже было все готово. Но он погиб — конечно это не осуществилось. Крещатик он проектировал. Но, правда, Крещатик — он маме говорил, что «это будут восстанавливать украинские архитектора». Поэтому он дал себе волю и эти проекты были немножко театральные, но очень красивые. Вот Смоленск... Вообще после войны архитекторам роздали такие разрушенные города и папе город был Смоленск. Он его проектировал, но, конечно, все это не было осуществлено.

И.Л.: А детство его где, в Москве прошло?

Н.Г.: Детство — да. В Москве. Вот после четырех лет, когда умер его отец, они переехали в Москву и бабушка купила дом вот на Мансуровском переулке.

Д.С.: Так получается, это ваш был собственным дом?

Н.Г.: Да, собственный дом. Но, конечно, он потом был уже не наш, но там оказалось, что можно квартиру получить. И вот мои родители получили двухкомнатную квартиру. И тетя — третью комнату, папина сестра. И мы там жили и я там родилась.

Д.С.: А кроме вас, кого подселили в ваш дом?

Н.Г.: Гавриловы какие-то... Но я не помню. Они были в общем... Мы с ними не общались. Так, в общем, по соседски, но равнодушно.

Д.С.: Но у вас оставалось достаточно комнат, да? Сколько комнат?

Н.Г.: Две комнаты у нас. И у тети — третья, небольшая. У нас было две комнаты. В одной мы спали, а в другой папа работал и мы обедали. Была еще кухня, такая с плитой. Там жили домработницы. Тогда же у всех были домработницы... За занавеской.

”

И вообще жизнь была такая... Примус, керосинка на столе. А на парадном (мы ходили, конечно, через двор) был запас дров.

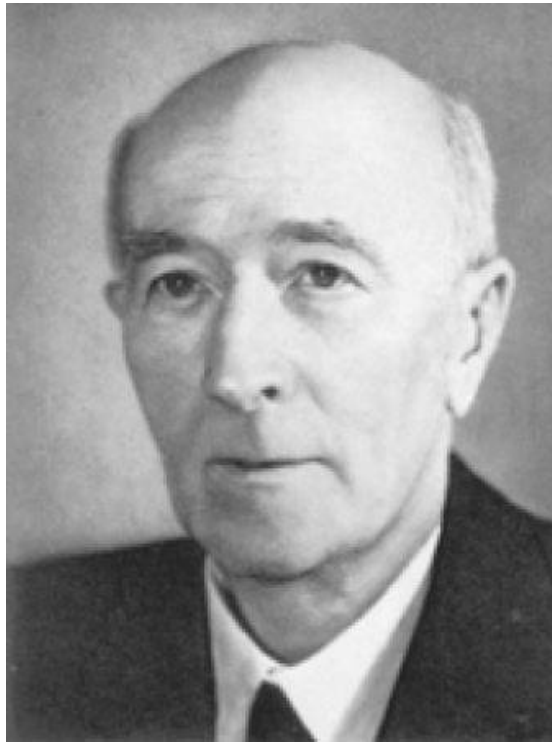
Д.С.: То есть кабинет и мастерская считалась у вас в квартире?

Н.Г.: Ну да. В первой — кабинет и столовая. А другая — наша спальня.

И.Л.: Он тогда работал во всех комнатах. Всюду-всюду лежали проекты, рисунки на рояле, на столах... И приходила его бригада, они все вместе работали.

Окружение отца

Д.С.: А кто из архитектурного окружения вашего отца, ну, вообще окружения того времени был?

И.В. Жолтовский

Н.Г.: Ну вот был Парусников, который потом тоже стал академиком. Соболев, Кожин, который во время войны попал, очевидно, к немцам — в общем он сгинул, он был в армии. Андрей Буров. Ну и конечно Жолтовский. Папа очень любил Жолтовского и считал его своим как бы своим «отцом».

Д.С.: А вместе с Жолтовским они ничего не проектировали?

Н.Г.: Да-да. Они работали.

Он у Жолтовского много работал. Причем это было очень утомительно, потому что Жолтовский работал всегда по ночам. Папа ночью работал у Жолтовского, а днем работал свою работу. Он почти не спал.

Д.С.: А вы помните Ивана Владиславовича?

Н.Г.: Помню, да. Я помню, я маленькая бегала у него по комнате вместе с Любочкой.

Д.С.: Это дочка его?

Н.Г.: Это, по-моему, или приемная или дочка его жены.

Папа очень его любил. Понимаете, потому что у него в четыре года у него умер отец — у него была тяга к отцу и вот Жолтовский для него был таким. Во всяком случае, он так к нему относился.

Д.С.: Это уже поздний Жолтовский. Жолтовский сороковых годов.

Н.Г.: Нет и раньше тоже папа у него работал. С Щусевым он работал.

Д.С.: А на каких объектах?

Н.Г.: По-моему, на Казанском вокзале.

Д.С.: Да?

Н.Г.: Да.

Д.С.: А Алексей Викторович бывал у вас?

Н.Г.: Нет, я его не помню.

Общество в поселке «Наука, Искусство, Литература» (НИЛ)

И.Л.: А вот из этих музыкальных людей, которые на даче жили, ни с кем вы не дружили? Ни с Кнушевицкими, ни с Блюменталем?

Н.Г.: Нет. Ну, с Сулержицкими были хорошие отношения. Но, в общем...

И.Л.: Он был такой затейник...

Н.Г.: Да-да-да.

И.Л.: Дмитрий Леопольдович...

Н.Г.: Ну вот с вашим папой мы общалась. Тоже замечательный был человек.

Татьяна Ивановна Бондаренко: А какие у вас вообще связи в НИЛе вот так вот завязались и остались?

Н.Г.: Ну только с Белоусовыми. Но с Белоусовыми, Ширвиндтами у меня и раньше были связи.

Т.Б.: То есть пришли извне эти связи. А внутри так и не получилось?

Н.Г.: Ну, с Ефимовыми тоже были раньше.

Т.Б.: Как интересно, что в самом нашем НИЛе у васкак-то не завязывалось дружно.

Н.Г.: Ну с Ефимовым... матерью Вани Ефимова мама была дружна в детстве. Софья Николаевна.

Т.Б.: Все приходило оттуда, извне. Вам не нравилось окружение? Почему так?

Н.Г.: Нет, наоборот. Нет, просто так замкнулись на этом... Понимаете, тогда как раз был очень хороший дух в НИЛе. Не то что сейчас. Было какое-то взаимное уважение, никто не шумел, никто не загаживал вот так территорию. В общем, было как-то очень так... культурно.

Я знаю, что участвовать в этом кооперативе папу пригласил Виктор Александрович Веснин. Вообще архитектура там была представлена довольно основательно: было четыре академика. Виктор Александрович, Семенов, Гинзбург и папа. Было еще два архитектора — Ефимов и молодой очень талантливый Владимиров, который погиб на войне. Когда папа и мама приехали выбирать участки, свободных уже оставалось не так много. Мы могли выбирать между нашим и ефимовским. И вот они долго ходили туда и обратно. Я помню, что я... такая девочка еще, с ними ходила. Папа выбрал наш. По двум причинам. Во-первых, это было таким... как нос у корабля, кругом были овраги, так что не предполагалось даже близких соседей. И кроме того, замечательной красоты вяз, который был у основания, в начале этого участка. Они выбрали наш участок, а папа давно хотел построить дом за городом, дачу. И он построил очень большую... ну, по тем временам. Конечно, это не такие дворцы, которые строят сейчас, но он предполагал на большую семью: вот нашу — папа, мама, я. Кроме того была папина сестра — моя тетя, которая, к сожалению, так ни разу не пожила на даче, потому что была арестована и уничтожена, и бабушка. Кроме того, он рассчитывал на мамину сестру с двумя детьми — сыном Володей, о котором написана поэма «Сын». Это она была первой женой Павла Антокольского. Так что семья была большая. Каждому была предусмотрена комната. Отдельная. Как это ни странно, кроме меня. Я должна была жить с родителями и, как это потом оказалось, я жила на лоджии, на втором этаже.

Д.С.: А какой это год, извините?

Н.Г.: 38-й. Кроме того, была одна большая общая комната внизу с камином. Ну, мы строили ее с трудом.

” Хотя папа был академик, незадолго перед этим получил Сталинскую премию. Денег было недостаточно. И очень трудно было с материалами. Я помню, что трудно было достать кирпич. Поэтому кирпичные столбы были только под основным срубом. А балконы стояли на дубовых стволах, которые мы спилили тут же на участке.

Дача из очень хорошего леса, который сохранился. Даже на потолке в двух местах — лиственница. А второй этаж — летний, облицован таким строительным картоном и это предполагалось там спальня. Зимой, в общем, мы там не жили. Это потом уже, когда я была молодая мы приезжали туда на лыжах, там можно было протопить.

Д.С.: Вы сказали, что дом строили в 38-м году.

Н.Г.: Начали.

Д.С.: Начали. И другие дома в поселке тоже примерно этого времени?

Н.Г.: Нет, это немножко пораньше.

Г.П. Гольц. Жилой дом на Большой Калужской улице. 1940 г.

Т.Б.: Ну, это самое начало: 37—38-й — это только самое начало. Это пионеры нашего кооператива.

Н.Г.: Мы только получили участок. И 38–39-й, вот до 40-го постепенно строились.

Д.С.: А такая тема как довоенные репрессии в НИЛе? Кого арестовывали?

Н.Г.: Я не знаю. Я знаю, что в нашем доме — я помню, как арестовывали мою тетю. Я хорошо это помню.

Д.С.: Вы еще в Мансуровском...

Н.Г.: Это мы в Мансуровском переулке, да.

Д.С.: Это когда было, какой год?

Н.Г.: 38-й. Это она первый год жила на даче. Мы у.... ну вот я вспомнила фамилию...

Д.С.: Журавлев?

Н.Г.: У Журавлевых снимали комнату и каждый день ходили на нашу стройку. Вот первый год она жила, потом ее уже не было.

Д.С.: А формально за что?

Н.Г.: Видите, ее арестовали, она работала в ВИЭМе, она была не врач, ну, физиолог.

Д.С.: А что такое ВИЭМ?

Н.Г.: *(улыбаясь)* Я не знаю, как это расшифровывается...

Т.Б.: Всесоюзный институт экспериментальной медицины?

Н.Г.: Да-да. Совершенно точно. И там многих арестовали. Ноя-то считаю, что ее арестовали иначе: она была дружна и знакома с женой Ежова. Когда еще та не была женой Ежова. И потом она у них бывала в доме.

” А когда жена Ежова — Женечка, покончила с собой, она же не до конца покончила с собой. Она вызвала к себе Катю — Катерину Павловну. И та имела неосторожность поехать. Так что она ее, в общем, сгубила.

Д.С.: А что значит — «не до конца покончила с собой»?

Н.Г.: Она не сразу, по-моему, умерла.

Д.С.: То есть они провели последние ее часы вместе и вы считаете, что это погубило...

Н.Г.: Я думаю, что это — да. Вот Катерину Павловну посадили в лагерь. Там она работала врачом. И написала там замечательное исследование больных дистрофиков. Я это передала в музей. И там один из больных сделал ей прекрасный подарок: она курила, он вырезал такой сапожок деревянный и в него оловянную ложку такую сломанную вставил — тоже я отдала в музей. А потом — ее выпустили, ей дали 8 лет, но через 5 лет ее выпустили — умирать. Они так делали. То есть чтобы у них было меньше смертей. Она потом приехала вот сюда. Я помню, мы с Таней приехали с дачи и приходим сюда, — и Катя выходит из ванны, голова завязана, такая счастливая. Ну вот она сутки у нас здесь пробыла, но она не имела права жить в Москве. Она должна была уехать. Всю войну мама посылала ей какие-то посылки. И она поехала к каким-то родным своего... не сокамерника, а какого-то арестованного. Это было за 100 км от Москвы. И там она умерла.

” Очевидно у нее был инфаркт или инсульт, потому что она сидела, причесывалась, а потом схватилась за голову, упала и умерла. Ну там она тоже не имела права жить. Мои родители туда поехали, и чтобы не подводить тех людей, они просто наняли подводу, отвезли ее в лес — и там закопали.

И.Л.: Да, жестокая была жизнь.

Д.С.: А ее фамилия Гольц была?

Н.Г.: Гольц, да. Она не была замужем. Она была замечательная пианистка, а папа играл на виолончели. И вот они вместе играли. И вот ее Steinway, очень хороший был инструмент.

Советский быт 20-х годов. Школа имени Лепешинского

Д.С.: А вот советский быт конца 20-х годов помните? Извозчиков...

Н.Г.: Помню, как я просыпалась — по бульжнику ехали подводы... Помню...

Д.С.: Еще водовозы, наверное, ездили?

Н.Г.: Ну, водовозов я не помню. Я помню, мы ходили смотреть на демонстрацию. Вообще, я это время очень хорошо помню.

Д.С.: На какие демонстрации?

Н.Г.: Ну, мы не ходили на демонстрации. Ну вот — Первое Мая — все шли по Пречистенке к Красной Площади. Мы ходили смотреть. Папа меня маленькую брал. И один раз я была на параде, но не таком — главным, а каком-то физкультурном. Папе дали пропуск и он взял меня с собой.

Д.С.: Да, тогда популярно было. А в Москве-реке купались?

Н.Г.: Нет. Но ходили на лыжах...

Д.С.: Как и Булгаков, кстати говоря. Последняя его фотография — в черных очках.

Т.Б.: В Москве-реке, может быть, под Звенигородом?

Н.Г.: Нет. В Москве было. Москва река замерзала тогда — и мы ходили по ней.

Т.Б.: А по дворам тогда ходили «точить ножи-ножницы»?

Н.Г.: Да-да. Точильщики-старьевщики. «Старье берем!» — и у них такие были мячики на резинке. И мороженщики ходили.

Д.С.: Вопросы вот как раз по довоенному быту. Ведь столько всего происходило в вашем районе вокруг Мансуровского: и снос Храма Христа Спасителя и метро по Остоженке.

Н.Г.: Я помню, как его копали. Как раз я по Остоженке ходила в школу.

Д.С.: А кстати, какая школа?

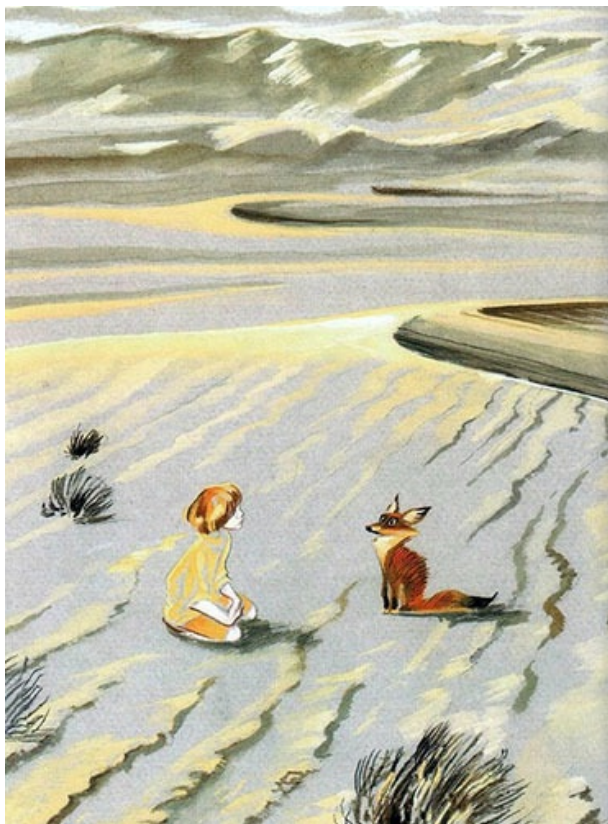
Н.Г.: Школа рядом с Храмом Христа Спасителя. По-моему, в Обыденском переулке, рядом с церковью. Школа имени Лепешинского. Вот туда я ходила. И ходила через... тогда строили открытым способом — по мостику переходила улицу.

Д.С.: Да. И тогда же снесли все церкви, которые стояли на Остоженке.

Н.Г.: Да-Да. Но кое-что там все-таки осталось.

Д.С.: Нет, те, что по улице стояли.

Н.Г.: Да-да, снесли. Но Зачатьевский остался.... Надвратная.

Н.Г. Гольц. Иллюстрация к сказке «Маленький принц»

Д.С.: Ну в Зачатьевском ведь тоже школа была. Другая. Ее построили уже позже, наверное, в конце 30-х. А что за преподаватели были в школе. Еще гимназические или уже новые?

Н.Г.: Но вот я не знаю. Но были хорошие преподаватели.

” Вообщем эта школа была хорошая. Но там училось много из этого Дома на набережной. Вот Микоянчики там учились. Леша Микоян был в параллельном со мной классе. Вообще они были очень демократические. Они бегали пешком с ранцами, их было много — Микоянчиков.

Д.С.: А с каким Микояном связана история с убийством девочки в 40-е годы?

Н.Г.: Это я не знаю.

Д.С.: Ну это Микоян, который учился на Тверской в школе, там где Светлана Сталина и Вася Сталин учились...

Н.Г.: Это я не знаю.

Д.С.: А кто еще из именитых?

Н.Г.: По-моему — все. Еще Жданов, кажется, но я не помню точно.

Д.С.: Но вы просто по территориальному признаку? Поскольку рядом жили?

Н.Г.: Да. И потом папе сказали, что это хорошая школа — и меня туда забрали, хотя были школы ближе.

Д.С.: Ну, хорошая что значит? Иностранные языки у вас были?

Н.Г.: Ну это как раз было очень плохо.

Д.С.: А иностранные языки вы дома выучили?

Н.Г.: Дома, да.

Д.С.: Мама? Папа?

Н.Г.: Нет, преподавательница. Папа знал три языка, мама — два, русский и французский. А папа — английский еще и немецкий. Но мама немецкий тоже знала.

Художественная школа. Эвакуация

Д.С.: А между собой они разговаривали по-французски, нет?

Н.Г.: Нет-нет. Когда хотели, чтобы прислуга не понимала или чтобы я не понимала. Они говорили devant les enfants и говорили по-французски. Потом я поступила в художественную школу.

Д.С.: А она где была?

Н.Г.: Она была на улице.... Как же это называлось? Теперь это Дорогомиловская...

Д.С.: Дорогомиловская? Ну тогда — Каляевская.

Н.Г.: Каляевская. Да-да-да. Это уже в 38-м году. Таня сперва поступила — и сказала мне. Я тоже пошла, сдала экзамен — и поступила. И вот с этой школой я была эвакуирована. Мы с Таней были в эвакуации в Башкирии.

Д.С.: С Художественной школой?

Н.Г.: Да, с художественной школой.

Д.С.: Как интересно.

Н.Г.: Родители остались в Москве, а меня отправили. И мы жили там в Башкирии, в селе Воскресенском. В русском селе. Там была школа. Там мы учились. И работали летом в огородах... Не в огородах, а в общем на сельскохозяйственных работах. Работали на молотилке, работали на сборе подсолнухов. В общем-то у меня есть стаж такой работы во время войны, но поскольку документов не сохранилось, только устные, то это не приняли в расчет. Потом папа за мной приехал, и забрал меня в Чимкент. Куда была эвакуирована Академия архитектуры. Так что в 17 лет я переехала в Чимкент и там кончила русскую школу, обыкновенную.

Возвращение из эвакуации. Учеба в Художественном институте

И.Л.: С мамой уже, да? Они с мамой там были?

Н.Г.: С мамой, да. Там мы узнали, что убит Вовочка Антокольский, и оттуда мы поехали в Москву. И я вот думала, что я обязательно поступлю в Художественный институт, а если меня не примут, то пойду работать в зоопарк, а через год опять буду держать экзамены. Но меня приняли в первый же раз. И потом я училась в Художественном институте им. Сурикова. У замечательного преподавателя — Николая Михайловича Чернышева. И художник он прекрасный, и прекрасный человек, и потом вот от Бога он был учителем. Он был Учителем с большой буквы. Ему вот показываешь какой-то эскиз, и он начинает говорить как будто о чем-то постороннем, а потом только понимаешь, что он тебя поводит к решению

своей задачи. Мы очень все его любили. Дима Жилинский у него учился. <...> Причем мы учились в помещении, которое построил мой папа из училища во Всехсвятском. Мы каждый день туда ездили.

И.Л.: Да. Замечательно. А кто еще из того времени, из учебного был близок?

Н.Г.: Знаете, был замечательный человек. Сейчас вылетело из головы его имя. Он был товарищем Леши (*Алексей Дмитриевич Соколов — прим. ред.*). Во время войны он был летчиком. Как же его звали... Как это стыдно, что я забыла... Тоже прекрасный художник. Тоже несостоявшийся. Рано умерший.

И.Л.: У Леши был брат ведь, близнец. И он погиб на войне. Но он погиб в 41-м году.

Н.Г.: Леша был очень обаятельный, чудесный. Мне очень нравятся его работы.

Д.С.: Кстати говоря, мне только сейчас в голову пришло, что как раз в то самое время, когда вы жили в Мансуровском, там же жил и Булгаков. По крайней мере, регулярно появлялся. Михаил Афанасьевич.

Н.Г.: Ну вот он, наверное, его и описал. Вот этот дом, где Маргарита с мужем жила. Я подозреваю, что я знаю какой дом.

Д.С.: Ну, это много предполагают. Вы имеете в виду кекушевский?

Н.Г.: Да.

Д.С.: Дочка Кекушева жила как раз в этом доме в соседнем с вашим. Декоратор в Большом театре, фамилия которого у меня выскочила. Скажите, а вот вы упомянули Моисея Гинзбурга. Ваш отец общался с ним или это другой круг?

Н.Г.: Общался, но он не был с ним дружен.

Д.С.: То есть это не тот человек, который домой к вам приходил.

Н.Г.: Нет.

И.Л.: А с Таней (*Татьяна Исааковна Лившиц — прим. ред.*) просто такие дружные были отношения?

Н.Г. Гольц. Иллюстрация к сказке «Снежная королева»

Н.Г.: Нет-нет. У нее было спокойное. Высокого благородства работы.

И.Л.: А таниных родителей вы знаете?

Н.Г.: Да, конечно. Ее отец был редактором в издательстве «Россия», потом — главным художником. Ну, мать была просто мама, которая что-то писала. А тетя была врачом и прошла всю войну на фронте.

И.Л.: Да, она рассказывала. Она была педиатром. Очень была отзывчивая.

Т.Б.: А чем она зарабатывала на жизнь?

Н.Г.: Она работала в Живописном комбинате. Во-первых, она писала когда были выставки — такие договора заключались, и под это можно было писать. Кроме того, в Живописном комбинате, там давали темы для картин, можно было писать там... «Ленин смотрит на снегирей в окно». Но Таня это не брала, она писала сказки, она очень много написала сказок. Маслом большие картины. Там «О рыбаке и рыбке», и, в общем, многие сказки. <...>

Конечно по своему проекту папа строил дачу. Она немножко в таком... немецком стиле была. Там такие довольно мелкие переплеты в окнах. Рамы и двери были сделаны на... тогда папа строил Изгородок и там в мастерских сделали эти рамы, очень чистые. Это все сохранилось и сейчас. Мы строили ее несколько лет. Первый год — первый этаж, потом второй этаж — на следующий год, а потом уже быстро, и началась война. Во время войны мы были в эвакуации. И был еще маленький домик. Он и сейчас есть. Который сперва предполагалось сделать летней кухней, а потом стала сторожка. И там жил сторож — Евлампиев Дмитрий с женой. Которого я написала портрет и как раз он в моем каталоге.

И они оставались там при немцах. Там героически погиб наш любимый пес Грей, который (добрейшая немецкая овчарка) кинулся на немцев и они его застрелили. А мы были в эвакуации. Во время войны в нашу дачу попал снаряд. Наш, советский, и там даже убило немцев.

Д.С.: Значит, разрушило дом?

Н.Г.: Да, пробило крышу. Он не был разрушен, но крыша была пробита и несколько лет текла туда вода. Поэтому когда мы вернулись, ее нужно было срочно ремонтировать, надо было менять все нижние венцы — они сгнили. Папа в это время уже погиб. И нам с мамой, конечно, было очень трудно. Но для этого мы продали замечательный рояль — Steinway который принадлежал моей тете, вот которую арестовали. И на эти деньги мы отремонтировали кое-как дачу, перекрыли крышу. Дранкой перекрыли. Тогда дранку еще делали. А дранка — изумительно красивый материал, не то что сейчас вот — железо.

И.Л.: Это было после войны?

Н.Г.: Это было после войны, да. Немцы сожгли город, но на дачах они жили. Там был даже какой-то связной центр, потому что потом я там находила много телефонных аппаратов.

Д.С.: Именно у вас на даче?

Н.Г.: Да, именно у нас на даче. Ну, вот что еще?

И.Л.: А камин — это тоже по папиному проекту?

Н.Г.: Да, конечно.

И.Л.: И это делали где-то мастера.

Н.Г.: Нет, это конечно по папиному проекту. Кроме того, была печка. Она была обмазана такой коричневой глиной. И смотрелась очень тяжело. И тогда мы с подругой — с Татьяной Исааковной Лившиц, с Таней, с которой я дружна с пяти лет, мы решили ее расписать под голландские изразцы. Мы казеиновой темперой, сперва загрунтовали, и потом расписывали, причем ни один изразец не повторял другой — все были разные. Некоторые мы придумали, некоторые — брали из книг. Они все с надписями. Очень забавными. Она сейчас очень красивая.

Дачный круг общения

И.Л.: А мама? Вы с мамой уже дальше жили?

Н.Г.: Да. Мы с мамой остались. Ну, хотя мама получала хорошую пенсию за папу, но, в общем, я довольно быстро, как только кончила институт, я начала работать. Работать сперва я пошла в книгу как для заработка, а потом это уже стало моим. То есть это сначала было моим, потому что я с детства рисовала иллюстрации, ну и тут вот я стала сперва открытки делать, потом — книги.

И.Л.: А кто из интересных людей еще до войны приезжал, приходил на дачу? Дружили ли с Сулержицкими.

Н.Г.: Нет, с Сулержицкими, к сожалению, особенно не дружили. Ну вот теще... Журавлев. Вот я помню, что он читал «Дом с мезонином».

И.Л.: Дмитрий Николаевич. Он очень активно жил... организовывал детскую студию с Захавой и Ширвиндтом молоденьким совсем. С Сашей.

Н.Г.: Может быть, да. С ним, он приходил к нам, читал «Дом с Мезонином». Я помню, на балконе мы все сидели — и он читал.

И.Л.: Ну вот Наташа Захава вспоминала, что они какие-то делали спектакли вместе с ним?

Н.Г.: Вообще я организовала такое детское содружество. Моя племянница, маленькая Катя, они играли в мушкетеры. И, как ни странно, девочки были мушкетеры. Только виконт Де Бражелон был Кутя Белоусов. Но он, надо сказать, был довольно инертный.

” А вот Портос, Атос и Арамис, это были все девчонки, вот они на велосипедах в плащах со шпагами носились. А я была кардинал Ришелье и строила им разные козни. Так что это была увлекательная игра многие годы и потом спектакли такие ставили.

Там жил у нас, дачу снимал, такой Володя Григорьев — мой друг. Он был физик. И он тоже... он назывался пират. <...>

И.Л.: Замечательно. А с кем еще?

Н.Г.: Ну больше особенно нет... Ну, вот, Антокольский приезжал.

Д.С.: Антокольский к вам приезжал или к кому-то еще на дачу?

Н.Г.: Ну, он приезжал к своей первой жене. Ну и к нам.

И.Л.: А с Весниным?

Н.Г.: С Весниным — да, общались. С Ефимовыми. Их сын был мой сверстник, мой товарищ — Ваня Ефимов. Мы дружили. И он дружил с моим братом двоюродным — с Володей Антокольским.

И.Л.: Кто-то из Весниных жил на даче у нас в поселке, по-моему.

Н.Г.: Ну, как же! Виктор Александрович и Наталья Михайловна. И она там пела. И приглашала нас на очень фешенебельные чаепития.

Д.С.: А из Весниных только Виктор Александрович жил? Другие братья не жили?

Н.Г.: Нет. Только Виктор Александрович с женой. Ну и с Семеновыми, конечно, мы дружили. И с Вовкой я дружила. До сих пор мы, в общем, друзья... С Володей Гинзбургом. Он был младше меня, но все время к нам прибегал и очень любил ездить на моем велосипеде. С самим Гинзбургом как-то не было контактов.

Д.С.: Но вы помните Гинзбурга? Моисея Гинзбурга?

Н.Г.: Нет. Не помню.

Д.С.: Понятно. А вот скажите, вот ваши детские, юношеские воспоминания об Антокольском, о Веснине... Могли бы вы нарисовать образ человека, предположим, Антокольского?

П.Г. Антокольский

Н.Г.: Антокольского — да. Могла бы. Антокольский, конечно, был совершенно замечательный человек. И потом уже когда он был совсем уже старым. Я дружила очень с моей двоюродной сестрой — Наташей, Натальей Павловной, которую звали Кипса. Ну это почему-то вот так с детства было прозвище, потому что когда она родилась, Павлик посмотрел на нее и сказал: «Какой же это ребенок? Это Кипса какая-то!» И вот с этой Кипсой я дружила, она была на несколько лет старше. И с Вовой я дружила, конечно...

Д.С.: Вова — это Гинзбург?

Н.Г.: Нет. Володя — это мой двоюродный брат, о котором Павлик написал поэму «Сын». И вот я помню, когда я бывала у Кипсы на дне рождения, причем там были люди интересные — был Евтушенко, Самойлов Дэдик, а Павлик был самый живой — самый активный. Он с мешками под глазами, он читал, он говорил все со страшным темпераментом. Так что вообще он был исключительный человек, таланта невероятного. Причем он не только писал, он же очень хорошо рисовал. К сожалению, все рисунки сгинули, потому что, к сожалению, его наследники оказались очень недостойными. Кипса умерла, а Андрей — его внук, все это продал или отдал в Вильнюс. Вот а Виктор Александрович был очень импозантный, в бархатной куртке ходил. Его жена была такая типичная дама. Пела очень хорошо.

Д.С.: Вы сказали, что Павел Григорьевич что-то читал.... А что он читал?

Н.Г.: Нет. Он не читал своих стихов. Просто он был страшно темпераментный. Когда он рассказывал все было интересно, все было как-то на подъеме. Потом мы там дружили — там дачу снимали по нашей рекомендации — жена Бабеля с сыном Андрюшей, Бабеленком. Между прочим эти розы принес мне Бабеленок.

И.Л.: Он ходил к нам играть на несмеяновском рояле.

Н.Г.: Он был маленький и он говорил, что он хочет стать актером, только вот не знает как. Я говорю: «Это очень просто. Ты должен говорить: „Быть или не быть“...» Он это запомнил и потом (это Захава рассказывал), что он был потрясен. Он вышел на волейбольную площадку — и там ходит маленький малыш, и говорит: «Быть или не быть?»

И.Л.: Да. А что с ним стало?

Н.Г.: Они уехали в Америку и теперь режиссер и актер. Вот недавно он приезжал и его мать приезжала.

Д.С.: А его фамилия — Бабель?

Н.Г.: Бабель.

И.Л.: А про вашу жизнь уже когда с Таней вы жили на даче. И кто приезжал к вам?

Н.Г.: Ну, так особенно никто не приезжал. Мы дружили с Белоусовыми и с Ефимовыми. А с Таней мы там прекрасно жили. И Таня там писала, и я там рисовала. В общем, это было такое творческое... И с нами жила еще третья наша подруга — Роша Натапова. Она — прикладник. И так же жила на втором этаже, тоже там рисовала. И мы с Таней внизу. Я летом жила тоже наверху.

И.Л.: Вот еще даже когда мы приходили на дачу и была там Вера, она говорила, что были какие-то спектакли на вашем открытом балконе. Расскажите.

Н.Г.: Я не помню какие были. По-моему было что-то самодеятельное. Было сделано привидение. Оно летало на такой веревке... Очень страшное. Сделанное из сухой елки. Так что такие кости были. Гусевы у нас жили на даче. Но мы принуждены были сдавать дачу, потому что мы не могли ее содержать целиком. Так что одну комнату наверху мы сдавали. Это после папиной смерти, конечно.

Фотографии Ники Георгиевны любезно предоставлены Т.И. Бондаренко.